

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК В АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: дневник, маскулинность, гендер, дисциплина, наблюдение, Англия, раннее Новое время.

Аннотация: Изучение гендерного аспекта культуры личных дневников в Англии раннего Нового времени имеет существенное значение ввиду того, что количество дошедших до нас мужских дневников приблизительно в двадцать раз превышает число женских, что нельзя объяснить только особенностями практик сохранения документов. В статье предпринимается попытка изучить, что отличало дневники от других видов повседневных заметок и какое значение им придавалось в культуре раннего Нового времени (т.е. до формирования представлений об автобиографических текстах и, в частности, о дневниках как наиболее интимном и непосредственном отражении авторского Я), что могло способствовать их пониманию как преимущественно мужской практики. На основе изучения наставлений, касавшихся некоторых видов личных дневников, и дневниковых текстов XVI–XVII в. делается вывод о том, что такого рода записи, во-первых, имели коннотации с деловой, преимущественно маскулинной, культурой — как подспорье в ведении дел. Во-вторых, такого типа записи рассматривались как способ самоформирования и самовоспитания, контроля над собой и различными жизненными обстоятельствами, успешной «жизненной карьеры», что также связывалось с маскулинными моделями поведения. Ведение личного дневника связывалось с дисциплиной и наблюдением — за собой и окружающими, а также различными жизненными обстоятельствами. Наблюдение за собой подразумевало внимание не только к поступкам, в особенности выполнению различных обязанностей, но и к мыслям, эмоциям и «частной жизни». Это способствовало развитию приватных повествований, которые впоследствии стали ассоциироваться с жанром дневника.

Для цитирования: Стогова А.В. Личный дневник в Англии раннего Нового времени: гендерный аспект // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 33. Москва: ИВИ РАН, 2025. С. 94-125. DOI: 10.32608/2307-8383-2025-33-094-125

A.V. Stogova

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

ORCID ID 0000-0003-0322-1397

Scopus ID 57200118570

anna100gova@yandex.ru

PERSONAL DIARIES IN EARLY MODERN ENGLAND: THE GENDER ASPECT

Keywords: diary, masculinity, gender, discipline, observation, England, early Modern period.

Abstract: The study of the gender aspect of personal diary culture in early modern England holds significant importance, given that the number of male diaries that have survived is approximately twenty times greater than that of female diaries, which cannot be explained solely by differences in document preservation practices. This article attempts to examine what distinguished diaries from other types of everyday notes and what meaning was attributed to them in early modern culture (i.e., before the formation of ideas about autobiographical texts and, in particular, diaries as the most intimate and direct reflection of the author's self), which may have contributed to their understanding as a predominantly male practice. Based on a study of instructions concerning certain types of personal diaries and diary texts from the 16th—17th centuries, it is concluded that, firstly, such records had connotations with a primarily masculine business culture, serving as an aid in conducting affairs. Secondly, this type of record was seen as a means of self-shaping and self-education, control over oneself and various life circumstances, and a successful 'life career,' which was also associated with masculine models of behaviour. Keeping a personal diary was connected with discipline and observation — of oneself and others, as well as various life circumstances. Observing oneself meant paying attention not only to actions, especially the fulfilment of various duties, but also to thoughts, emotions, and 'private life.' This contributed to the development of private narratives, which later became associated with the diary genre.

To cite this article: Stogova, Anna. "Personal Diaries in Early Modern England: The Gender Aspect". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 33, 94-125. Moscow: IGH RAS, 2025. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2025-33-094-125

Рассмотрение личных дневников как чего-то специфически мужского может показаться неочевидным и спорным, однако для раннего Нового времени такой взгляд вполне обоснован. Как показывает библиография, составленная в 1950-х годах Уильямом Меттьюзом, число сохранившихся английских мужских личных дневников, относящихся к периоду с XV до начала XVIII века, более чем в 20 раз превышает соответствующее число женских¹. С тех пор сведения, несомненно, нескольконовились, но не существенно. Причин для такой гендерной диспропорции очень много и один из важнейших факторов, повлиявших на такое распределение, вовсе не имеет отношения к тому, кто и почему начинал вести дневник, но связан с вопросами социальной истории памяти. Известные английские женские дневники, относящиеся к периоду до начала XVIII века, преимущественно принадлежат представительницам довольно влиятельных дворянских семейств, которые, даже если и не имели титула, то были связаны с аристократическими родами. Это та социальная среда, где поддержание семейной памяти имело наибольшую значимость — она обосновывала статус членов семьи, их привилегии, права на наследование и т.п., и женщины в этих семейных историях как правило играли куда более существенную роль, чем в деловых городских кругах. Через них формировались связи с другими семействами, и в первую очередь именно женщины занимались их постоянным поддержанием. В силу этой значимости представительницы дворянских семейств часто обладали гораздо большей властью в вопросах сохранения памяти, чем женщины из городских кругов. Показательный пример — леди Энн, баронесса Клиффорд (1590–1676), одна из дам, чьи дневниковые записи сохранились. На

1 Matthews. 1950.

протяжении жизни она собирала документы по истории семьи, и подробно документировала собственные действия, многие годы отстаивая в судах право на наследование земель своего отца². В свою очередь другой известный автор дневника — Сэмюэль Пипс (1633–1703), чиновник флота, в период ведения записей только-только начавший самостоятельную карьеру, а до этого находившийся в услужении дальнего родственника графа Сэндвича, отмечал, что собственноручно сжигал письма своей жены, если считал, что их сохранение может повредить его репутации³. После смерти Элизабет Пипс в 1669 г., почти все ее бумаги были уничтожены. То обстоятельство, что в целом мужчины имели больше власти в вопросах сохранения или не сохранения в семейных архивах тех или иных личных документов, играет существенную роль в том, какого рода документы дошли до нашего времени и отчасти объясняет малое количество женских дневников.

Но все же есть основания рассуждать и о том, что в XVI–XVII и даже XVIII столетиях мужчины действительно вели дневниковые записи гораздо чаще женщин. И в данной статье будет рассмотрен вопрос о том, какими значениями наделалась эта практика, что делало ее востребованной преимущественно среди мужской части общества.

2 Джордж Клиффорд, барон Клиффорд и граф Камберленд (1558–1605) не имел детей мужского пола, титул графа (передававшийся по мужской линии) и земли перешли его младшему брату Френсису. Леди Энн получила титул баронессы Клиффорд, который передавался прямому наследнику, вне зависимости от пола и 15000 фунтов стерлингов. Однако, по инициативе ее матери было начато судебное разбирательство с требованием передать леди Энн все земли Клиффордов на основании того, что не только баронский титул, но и связанные с ним земли должны были передаваться по прямой линии. Получить земли леди Энн смогла только после смерти сына Френсиса Клиффорда Генри в 1643 году и в силу того, что он не оставил прямых наследников.

3 См., например: **Pepys**. 2000 (IV): 9–10 (09.01.1663).

Во-первых, следует отметить, что в целом культура постоянного ведения повседневных заметок была тесным образом связана с вопросами памяти, точнее — запоминания и использования разного рода полезной информации⁴. В силу этого она распространялась в первую очередь через университеты. Так называемые тетради общих мест (common place books), которые студентам рекомендовалось составлять в процессе чтения, как отмечает Энн Блэр, представляли собой своего рода читательские дневники. А некоторые педагоги советовали делать заметки не только о прочитанном, но и об увиденном и услышанном⁵. И библиография Меттьюза свидетельствует о том, что авторы дневников XV–XVII веков — это преимущественно люди образованные и имеющие какое-то публично значимое поприще: придворные и политики, деятели церкви, ученые, военные. Учитывая, что число женщин, умевших писать и имевших для этого возможности, было довольно велико, стоит поставить вопрос о том, что тот тип информации и те виды деятельности, которые в этот период связывались с необходимостью или потребностью в постоянном ведении записей, были значимы именно для мужчин.

Когда в 1970-е годы началось изучение личных дневников как культурного феномена, все эти ранние тексты, хотя и известные по библиографии Уильямса, не попали в поле внимания исследователей, а история личных дневников отсчитывалась с дневника Сэмюэля Пипса 1660-х гг.⁶ Все предшествовавшие тексты превратились в предысторию жанра, поскольку не укладывались в идею дневника как хроники бытия индивидуального Я. Либо внимание их авторов было

4 См. об этом: **Стогова**. 2024.

5 **Блэр**. 2023: 146.

6 См., например: **Dobbs**. 1974; **Fothergill**. 1974; **Mallon**. 1984; **Blythe**. 1989.

преимущественно направлено не на самих себя, а на происходящее вокруг, либо Я, появляющееся в тексте, не казалось исследователям обладавшим той мерой индивидуальности, которая характеризует современного субъекта. Да и у самого Метьюза все ранние дневники описывались как публичные, дипломатические, дневники путешествий и т.д., потому что они не соответствовали той идее личного дневника, которая доминирует с XIX века. И главным образом это сказывалось в выборе записываемой информации.

Любопытный и весьма показательный пример записей из такого рода дневников, хотя и относящихся ко времени Пипса, был составлен знакомым ему человеком — одним из членов посольства графа Сэндвича в Испанию в 1666 г.:

Суббота 18. Ничего. Воскресенье 19. Ничего. Понедельник 20. Ничего. Вторник 21. Ночью с байоннской почтой пришли новости о нашей победе над голландцами⁷. Среда 22 августа. Дон Патрисио Моледи⁸, бывавший в Англии, пригласил Милорда отобедать в Ла Флориде, доме маркиза Каштелу-Родригу, нынешнего губернатора Фландрии⁹. Этот дом построен на склоне очень высокого холма к западу от города фасадом к реке (18–22.08.1666)¹⁰.

Это типичный путевой дневник, в нем описывается то, что случилось с путешественником и было им увидено, и при этом

- 7 Вероятно, имеется в виду так называемая «Двухдневная битва» или сражение в день Св. Иакова 25 июля (4 августа) 1666 года в ходе Второй англо-голландской войны.
- 8 Имеется в виду Патрик О'Моледи, испанский дипломатический агент ирландского происхождения при дворе Карла II, дворянин из свиты испанского посла графа де Молины.
- 9 Речь идет о Франсишку де Моура маркизе Каштелу-Родригу, герцоге де Ночера (1621–1675), с 1664 г. — губернаторе Габсбургских Нидерландов. В середине века он приобрел поместье Ла Флорида на холме Принсипе Пио (современный Мадрид), где построил деревянный дворец и разбил сады.
- 10 **Ch.L. Ms. A.2.122. N.p.** Ввиду того, что листы не пронумерованы, а записи велись с обеих сторон блокнота, ориентироваться можно по дате записи — А.С.

записи отражали собственное суждение и оценку. Описывая, к примеру, королевский дворец в Вальядолиде, автор замечает:

У короля есть дом с большим собранием картин на другой стороне реки. При нем сад, говорят, что он лучше того, что у короля в Мадриде. Но мне кажется, что сад самый обыкновенный, хоть и с пятью фонтанами, но весьма жалкими (11.05.1666)¹¹.

Но в повторяющейся несколько раз заметке об отсутствии чего-либо примечательного возникает явная двойственность. С одной стороны «ничего» относится к тому, что является объектом внимания: не было ничего, достойного записи — ни значимых событий, ни впечатлений или суждений. Но при этом это «ничто» все равно является чем-то, что нужно зафиксировать. И это расхождение связано с тем, что целью ведения дневника являлось не просто описание чего бы то ни было, и не выражение собственного Я — у него была другая прагматика.

Мы привыкли выделять личные дневники среди других типов текстов в силу их интимности, обращенности автора к самому себе. Однако такое понимание сложилось довольно поздно. В XVI–XVII веках отличие дневника от иных заметок, которые могли появляться в блокнотах, осмыслялось в двух тесно связанных понятиях — дисциплины и наблюдения¹². Не случайно ведение регулярных записей предписывалось молодым путешественникам. Присутствие в данном дневнике информации о том, что в данный день не случилось ничего достойного записывания, свидетельствует о том, что его автор подчинялся дисциплине письма. Это одно из оснований полагать, что эти заметки были сделаны юным Сидни Монтегю, сыном графа Сэндвича, сопровождавшим отца в Испанию¹³. За ведением

11 Ch.L. Ms. A.2.122. N.p.

12 См. об этом: Стогова. 2025.

13 Основными аргументами в пользу авторства Сидни Монтегю является то, что дневник явно написан очень молодым человеком, сопровождавшем

дневника, судя по всему, осуществлялся присмотр. Первые записи в особенности те, что сделаны еще в дороге, довольно неаккуратны. Очевидно, автора отругали за небрежность, и с 4 августа он некоторое время старательно выписывал все буквы, правда впоследствии снова начал торопиться.

Аналогия, которую проводит Энн Блэр между выписками из прочитанных книг в тетрадах общих мест и дневником чтения, не случайна. Одной из главных ценностей записей была их регулярность. Глава Эммануил-колледжа и вице-канцлер Кембриджского университета Ричард Холдсуорт, составил приблизительно в 1650-х гг. наставления для студентов, включавшие и специальный раздел, посвященный ведению заметок. Холдсуорт обращал внимание на несколько основных причин, по которым в процессе обучения необходимо постоянно вести записи: 1. не стоит полагаться только на свою память, поскольку «хотя в настоящее время вещи настолько свежи в памяти, что, кажется никогда не забудутся, однако они обнаружат, что течение времени и новые занятия сотрут их, и, если у них нет памятных заметок, вспомнить они смогут очень немного»; 2. записывание помогает более полному и ясному пониманию прочитанного и «заставляет вас обращать внимание на многие вещи, которые вы в ином случае упустили бы»; 3. ведение записей помогает бороться с ленью и скукой¹⁴.

Первые два пункта имеют непосредственное отношение к культуре памяти — и даже не столько долговременной, для

графа. В дневнике содержится информация о том, что автор текста стремился получить разрешение охотиться на королевских землях, а в Генеральном архиве Симанкаса сохранились прошения о праве на охоту, сделанные Сидни Монтегю (Archivo General de Simancas. Casas y Sitios Reales. Legajo 315). Сердечно благодарю профессора Малкольма за консультацию. Упоминание Монтегю как автора дневника см.: **Malcolm**. 2003: 168.

14 **Holdsworth**. 1956: 650.

будущего, сколько функции мозга, важной в любых текущих делах. Как отмечала Александра Уолшем, ведение учета и документирование стоит рассматривать в связи с многозначностью выражения 'record-keeping':

Его значения варьируются от ведения и создания записей до наблюдения, охраны, сбережения и сохранения их в надлежащем порядке и форме. Показательно также, что в XVI и XVII веках слово 'keep' означало «сохранять в памяти» и «помнить»¹⁵.

Выражение 'keep the diary' («вести дневник») также отсылает к этому пласту значений, и сама практика ведения дневников имеет отношение к документированию не только с точки зрения сохранения информации на бумаге, но и как к способу ее закрепления в человеческом сознании.

Третий аргумент Холдсуорта имеет отношение к дисциплине: само по себе ведение записей продлевало во времени полезное занятие, не оставляя возможности для разного рода соблазнов. Получившийся же в итоге текст являл собой своего рода отчет о совершенной работе. Именно в этом контексте ценилась регулярность записей: как часть одобряемого образа жизни и, одновременно, — его свидетельство. Сходную логику Джеймс Эху обнаружил в более раннем развитии практик бухгалтерского учета, отметив их связь с распространением идеи о необходимости исповеди как регулярной благочестивой практики¹⁶.

С этой точки зрения многие регулярные заметки, которые вели люди раннего Нового времени, можно считать дневниками: даже если они не имеют датированную структуру, в их основе лежит регулярность записей, тем или иным способом отражающих жизнь автора. Отнюдь не все такие

15 Walsham. 2016: 17.

16 Aho. 2005.

заметки были прерогативой мужчин. В качестве примера можно привести разнообразные тексты, являвшиеся составляющей практик благочестия раннего Нового времени — как мужского, так и женского. Как правило они состояли из разного типа записей — выписок из разнообразных книг, переписанных молитв, кратких конспектов проповедей, собственных размышлений и т.п. Они могли быть посвящены одной значимой для автора теме, как например, медитации о смерти супруги лондонского купца Алатеи Бевел, в девичестве Уивер¹⁷, или быть связаны с текущими событиями в жизни автора, религиозными праздниками и т.п. Не являясь дневником с точки зрения жанра, такие регулярные заметки нередко содержательно гораздо ближе к современному пониманию личного дневника: выбор цитат и их присвоение в процессе переписывания делало их частью собственного эмоционального и интеллектуального опыта¹⁸. Но, как и тетради общих мест, которые вели школяры, такие регулярные заметки в первую очередь имели целью работу над собой, а отнюдь не самовыражение. В религиозной традиции, как и в учебной, долгое время оспаривалась необходимость совершать эту работу письменно. Наставления, касающиеся необходимости делать записи, появились в середине XVII столетия. Джон Бидл в своем наставлении «Журнал благодарного христианина» выделял три основные причины, и все они были связаны с памятью:

1. По причине ненадежности памяти. Она рано угасает, и в целом избирательна — лучше запоминаются удовольствия и радости, нежели грехи, ошибки и божественная милость.

17 LPL. MS 2240.

18 О подобных женских текстах см., например: Burke. 2012.

2. Чтобы избежать греха забывчивости, ибо, человек, забывающий Бога — дурной и неблагодарный человек.
3. Чтобы предотвратить дальнейшие грехи, ибо тот, кто забыл Бога, грешит более всего и суровее всего должен быть наказан¹⁹.

Подобные благочестивые записи имели разное содержание и название, нередко они именовались «книгой совести»²⁰, и вовсе не обязательно имели датированную структуру, но Бидл рассуждал именно о дневниках. Разнообразные наставления, в которых шла речь не просто о регулярном ведении заметок, а о дневниковой форме текста, объединяет идея необходимости вести наблюдение — как за внешними обстоятельствами жизни, так и за собственным поведением. Датирование записей, с одной стороны, укореняло события во времени и позволяло ориентироваться в них, находить нужную информацию, выявлять закономерности, отслеживать изменения. По этой причине такое построение текста часто использовалось в разного рода деловых бумагах. Уже в силу этого обстоятельства к дневниковой форме записей прибегали главным образом мужчины, сохраняя информацию о встречах, решениях, составленных документах и т.п., значимую для их публичной деятельности. С другой стороны, обозначение даты превращало такие записи в своеобразное документирование постоянства самих усилий в той или иной деятельности. Оно делало видимым нарушение регулярности письма и тем самым выступало инструментом принуждения продолжения записей. И этим дневник отличается от других заметок: не столько содержанием, сколько очевидностью усилий для постоянного ведения записей. Не случайно

19 Beadle. 1656: 170–172.

20 Daniel. 2015: 249–250.

публичные рассуждения о ведении дневников появляются в назидательных сочинениях — сначала в текстах, обращенных молодым путешественникам, а затем — благочестивой пастве. Ведение таких записей требует самодисциплинирования, и само по себе формирует определенный образ жизни. Его ключевой составляющей было наблюдение, которого требует такое постоянство письма и которое становится возможным благодаря дневнику — за собой и своими делами, за происходящим вокруг и поведением окружающих.

Ценность регулярного наблюдения и, соответственно, дневника, осмыслялась в контексте успешного ведения дел, а не описания жизни. Это было обусловлено тем, что журнал/дневник как форма записей использовался главным образом в тех сферах, где было важно вести учет хронологической последовательности событий — в деловых кругах, в армии и на флоте, в работе госучреждений. Не случайно Френсис Бэкон относил дневники к одной из разновидностей истории, причем, что примечательно, — к хроникам, а не жизнеописаниям: последние сфокусированы на человеке, тогда как хроники — на времени и обстоятельствах, в которых человек действует²¹. Отсылки к практикам, принятым в культуре управления разного рода делами, неоднократно встречаются в публичных наставлениях о дневниках. Первые протестантские проповедники, развивавшие идею необходимости благочестивого дневника, описывали дневники как часть деловой, к тому времени явно маскулинной культуры. Показательны слова, с которыми автор предисловия к книге Бидла, Джон Фуллер обращается к читателю, чтобы объяснить суть идеи:

У нас есть государственные журналы, отражающие ход дел национальной важности. Торговцы ведут свои книги учета продаж. Купцы

21 Бэкон (I). 1977: 170.

— свои книги счетов. У юристов есть книги председателей суда. У естествоиспытателей – журналы экспериментов. Некоторые настояренные мужья ведут дневник ежедневных расходов. Путешественники ведут журнал обо всем том, что они видели и что случилось с ними в пути. Христианин, который хочет точности, имеет еще больше нужды и может получить гораздо больше пользы, ведя такой дневник²².

То, что дневник понимался не как жизнеописание, а как практика работы с информацией, определяло и специфику их содержания: в дневниковых текстах XVI–XVII вв. много упоминаний о внешних событиях, о делах, о новостях, и часто довольно мало приватного опыта. В целом мы можем сказать, что личные дневники появляются тогда, когда начинает развиваться дискурс об успехе, самоформировании, ответственности за свою судьбу и т.п. В наибольшей степени они были связаны с деятельностью на каком-то публичном поприще, в силу чего их ведение в XVI–XVII веках и оказывается преимущественно мужской стратегией успеха, поскольку вообще идея успеха, карьеры, продвижения развивается как преимущественно маскулинная. Немногие сохранившиеся женские дневники этого времени в значительной мере связаны с ведением семейных дел.

Основное содержание разных личных дневников раннего Нового времени, в зависимости от интересов автора, составляли не столько размышления или описания чувственных переживаний, сколько факты — сведения о происходящем вокруг и о событиях собственной жизни автора. Опыт проживания жизни фиксировался преимущественно как последовательность событий, информация о которых казалась полезной и с точки зрения осмысления происходящего, и для сохранения на будущее. Одним из примеров могут служить

²² Beadle. 1656: [N.p.]. Sig.B1r.

записи Джона Ивлина — известного интеллектуала, который не занимал официальных постов, но часто входил в разнообразные комиссии. В его дневнике встречается информация о частных вещах — о любимом садоводстве, жене, дружеских обедах, хотя эмоций в них немного, это довольно сухой текст. Например:

Я начал обустроить Овальный сад в Сейес-кorte, где раньше был безыскусный фруктовый сад, а на остальной части — поле около 100 акров, без единой живой изгороди, за исключением зарослей вереска и остролиста по обочинам горной тропы (17.01.1653). Вернувшись вечером, застал жену в родовых схватках, но уже через час она разрешилась в 10 часов вечера дня Вознесения, родив мою третью дочь (20.05.1669)²³.

В основном же его заметки связаны с публично значимыми событиями — встречами, поездками, делами, новостями и т.п. Причина вовсе не в невнимании к тому, что позднее назовут «внутренним миром», а в том, что главным образом значимость дневника как типа записей связывалась с тем, что он осуществляет помощь в правильном выстраивании жизни и одновременно служит отчетом о том, как она проживается. Примечательно, что свои заметки Ивлин впоследствии переписывал, делая текст более связным и наполненным деталями.

Впрочем, и регистрирование мыслей и эмоций тоже укладывалось в идею наблюдения за собой. Так протестантский проповедник Ричард Роджерс в своем наставлении о благочестии писал:

Ибо если даже люди, занимающиеся большими делами, не только записывают свои приобретения и расходы, но и совещаются между собой, чтобы не забыть о них (и притом этот труд они считают необходимым в отношении вещей бренных), то еще более

23 Evelyn (II). 1955: 80; 528.

необходимо поступать так в отношении счетов наших душ, то есть ежедневно смотреть, что мы приобретаем или теряем, чтобы тем самым обеспечить себе самую надежную безопасность, и наилучшим образом подготовиться, чтобы, когда придет время отчитываться, сделать это с большей легкостью²⁴.

Роджерс, хотя он и не оговаривал необходимость вести именно датированные записи, является автором первого английского протестантского благочестивого дневника. То, как он выстраивает повествование о своей жизни, весьма наглядно показывает, как он осмыслял ведение подобной «душевной» или «моральной» отчетности. Написание дневника стимулирует наблюдение за собой, размышления о своей жизни и божественном милосердии и, — благодаря фиксации на бумаге результатов этой работы, выраженных в словах — является способом работы над собой и отчетом о ней:

В этот день, не преуспев в проповедовании, понял, что некоторые завистники — я потом узнаю, кто — сделали так, чтобы я потерял свободу делать это. Практика эта весьма злонамеренна и постыдна. Но, оставив этих людей, я стал думать о том, как долго Господь предоставлял мне свободу и мир, которых я не ожидал, и это веская причина, почему я должен с благодарностью и умиротворением пройти через это, зная, что если Ему будет угодно, я буду наслаждаться ими и дальше, а если будет иначе, то Господь сделал так для моего испытания и моего блага, если я приму это должным образом. И хотя это самая сладкая свобода из тех, что я получал долгое время, все же, хвала Богу, ее потеря не лишила меня спокойствия, и я молю Его о том, чтобы я смог укрепиться и видеть, как мое сердце покоится в Боге до тех пор, пока все не закончится. Я не думал ничего другого, кроме того, что после сладостного утешения, которое я получал в последнее время, больше, чем в прошлые времена, должен прийти какой-то кризис. И я благодарю Бога, который дал мне такой стимул, чтобы перенести его (16.12.1587)²⁵.

24 Rogers. 1610: 533.

25 Rogers. 1933: 71.

Джеймс Ламберт, изучавший этот дневник, связал его особенности с протестантским акцентом на переживании любви Бога и радости пребывания с Христом. Не только самонаблюдение должно было выявлять божественную милость даже в незначительных происшествиях каждого дня и тем самым стимулировать это переживание, но и описание всего этого в дневнике Ламберт оценивает как еще одно упражнение в постоянном практиковании, поддержании радостных религиозных чувств, необходимом в земной, полной испытаний жизни. Радость в ней мимолетна, она быстро сменяется сомнениями и огорчениями, однако говорение и письмо продлевает ее, повторяя это переживание, заставляя вспоминать и пережитое до этого, а также заранее радоваться тому, что случится в будущем. Из этого Ламберт делает вывод о том, какое значение придавалось практике ведения дневника:

Заметки в дневнике Роджерса с трудом выстраиваются в более крупный нарратив, подобно тому, как это происходит в биографии или автобиографии: единственные начало, середина и конец дневников — в каждой отдельной записи. Благодаря этому, дневник скорее является практикой, чем продуктом, бесконечно повторяющимся ритуалом, который может привести к временному состоянию счастья, подобно таинству или церемонии, только материалы, из которых состоит это таинство, изменчивы: личный повседневный опыт жизни²⁶.

Подобные рефлексивные благочестивые дневники составлялись преимущественно пасторами и должны были служить образцами для остальных. Они делали видимой ту мысленную работу, которую должен проделывать верующий в процессе письма. Однако даже в рамках религиозных практик дневники нередко были больше сфокусированы на событиях и поступках, нежели интроспекции, в отличие, например, от

26 Lambert. 2016: 279.

медитаций, отчасти в силу того, что ведение записей рассматривалось как один из этапов работы с информацией и выстраивания жизни и предполагало последующее использование текста. Еще один радикальный протестантский автор наставления о ведении благочестивого дневника, Айзек Эмброуз, привел в качестве примеров отрывки из собственного дневника, относящиеся к периоду масштабного религиозного, политического и социального конфликта в Англии в 1640-х гг. Он отслеживает свое выполнение христианских обязанностей, в особенности соблюдение постов и пастырскую деятельность, но также обнаруживает следы божественной любви и провидения в происходящих событиях:

Меня заточили в тюрьму, но некоторые джентльмены поручились за меня, что я явлюсь по первому зову, и так Господь освободил меня. Теперь начались трудные времена, и в этом году Господь много раз помогал мне смело проповедовать Его Слово врагу, отважнее многих и много отважнее, чем смог бы я сам (15.11.1642)²⁷

Мы получили благостную весть из Лондона о счастливом согласии между парламентом, Сити и армией. Странная, внезапная перемена. Так Бог, когда ему угодно, приводит вещи в движение и является тем Духом в колесах²⁸ (05.03.1648)²⁹.

Однако, Эмброуз предлагает своим читателям делать выводы из произошедшего главным образом не в процессе письма, а позднее, в рамках того, что он называл «практикованием дневника»: при прочтении и даже переписывании. Для этого следовало выявлять закономерности в своем поведении, поведении других людей, действиях Бога и определять

27 Ambrose. 1650: 72.

28 Искривленная цитата: «Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошёл дух, и колёса поднимались наравне с ними, ибо дух животных был в колёсах». Иез 1:20. Автор цитирует версию английской Библии Якова I.

29 Ambrose. 1650: 78.

значение событий и стоящий за ними промысел Божий, соотнося свои наблюдения с текстом Священного Писания. Все это вместе взятое, описывается как способ получения и исправления/улучшения своего опыта через «умножение памяти» — в этой работе заключается ключевая обязанность христианина и путь к спасению³⁰.

Эта идея наблюдения, самоконтроля и извлечения опыта объединяет благочестивые и путевые дневники. В гуманистической традиции путешествие становится способом получения знаний и опыта. «В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы — пополнению опыта», писал Ф. Бэкон. И потому путешественнику следует вести дневник³¹. Как отмечал Юстин Штагль, само появление травелогов было связано с изменением отношением к познанию:

Все изменилось с появлением гуманистической доктрины, согласно которой вся Земля — это место, где можно чему-то научиться. Появился новый жанр: многоцелевой отчет о путешествии. Он стал вмещать эмпирической информации разного рода³².

Идея «вместилища информации» подразумевает, что в последующем собранные сведения будут анализироваться и использоваться. Граф Эссекс в своем наставлении для молодого графа Ратленда о путешествиях, написанном в конце XVI века отмечал:

Смысл наблюдения заключается в том, чтобы отметить согласованность причин, следствий, советов и успехов, а также пропорций и подобий между природой и природой, фортуной и фортуной, действием и действием, государством и государством, временем нынешним и временем предшествующим³³.

30 Ambrose. 1650: 86–87.

31 Бэкон (II). 1978: 390.

32 Stagl. 2012: 50.

33 Essex. 1633: 64–65.

Важность наблюдения, которое можно было осуществлять при помощи дисциплинированного ведения дневника, была связана с тем, что оно дает возможность заметить то, что может ускользнуть от внимания, сохранить это в памяти и выявить закономерность. По мнению Штагля, дневники исторически предшествовали современным травелогам, появившись еще в Средневековье как способ фиксации расходов пилигрима. Эта форма записей наполнилась новым содержанием — разнообразной информацией, которая могла стать источником полезных знаний и опыта. Но они также предшествовали травелогам логически — фиксируя естественную последовательность событий и впечатлений. Эти факты впоследствии должны были быть осмыслены, в том числе — в процессе переписывания и создания новых нарративов³⁴.

И в религиозном дискурсе, и в дискурсе о путешествиях, ведение дневника связывалось с возможностью и необходимостью самосовершенствования и преуспевания на том или ином поприще. Отсылая к примерам деловой успешности, авторы наставлений преподносили дневник как один из инструментов личного³⁵ успеха, основанного на постоянном дисциплинированном наблюдении, сборе и анализе информации. Схожий набор коннотаций характеризует более широкий спектр личных дневников раннего Нового времени. Редкую возможность увидеть, как именно могли оценивать эту практику не составители назидательных текстов, а сами авторы дневников, предоставляет текст Сэмюэля Пипса. С него

34 Stagl. 2012: 50.

35 В случае с благочестивыми дневниками вопрос о том, как понималось действующее и пишущее Я остается довольно спорным. Однако наставления были обращены к читателю, чьи действия должны были возыметь успех, благодаря ведению дневника. О критике идеи конструирования Я в текстах благочестивых дневников см.: Webster. 1996.

долгое время отсчитывалась история английских дневников, поскольку в его тексте много внимания уделяется и личной жизни, и разным эмоциям — ревности к жене, страхам перед будущим, стыду за собственные проступки. Но все же и в нем основное место занимает все та же публичная, социальная составляющая жизни — разные дела, новости, люди, с которыми он общается, траты, заметки на память и т.п. — представленная с необычайной подробностью:

Встал очень рано и отправился в ведомство, где все утро в одиночестве усердно занимался делами. В полдень на биржу, там услышал, что после больших ожиданий из Ирландии и долгой задержки писем пришли хорошие новости, что все спокойно — после нашего большого шума от неприятностей там, хотя некоторое волнение было, как сообщалось³⁶.

Вышел с биржи с сэром Дж. Катлером и мистером Грантом в таверну «Королевский дуб» на Ломбард-стрит, где был поэт <Александр> Брум, на мой взгляд, веселый и остроумный человек, но немного тщеславен. И здесь пили французское вино, называемое Хо Бриан [Haut Brion, Бордо — А.С.], которое имеет хороший ни на что не похожий вкус, какого я никогда не встречал.

Домой кобеду, а затем по воде за границу в Уайтхолл. Моя жена — к миссис Феррерс. Я — в Уайтхолл и парк, безо всякого дела. Потом к милорду, встретил жену, и пешком дошли до Новой биржи. Там выложил 10 фунтов на подвески и расписные кожаные перчатки, очень красивые и все по моде. Оттуда в карете домой и в контору до позднего вечера, а затем ужинать и — ко сну (10.04.1663)³⁷.

Дневник Пипса интересен не только исключительной детальностью описаний повседневной жизни, но и тем, что эту особенность можно соотнести с советами из прочитанных автором книг. В первые годы ведения дневника, т.е. между 1661 и 1666 годами Пипс неоднократно упоминал о том, что удовольствием перечитывал книгу Бэкона “Faber fortunae” («Кузнец счастья»). Это название эссе, опубликованного в Лейдене

36 Протесты среди ирландских католиков.

37 Pepys. 2000 (IV): 100.

в 1641 году в латинском издании некоторых «Опытов» и фрагментов из трактата «О достоинстве и приумножении наук» под общим названием «Достоверные проповеди»³⁸. Собранные здесь тексты основоположника эмпиризма как научного метода были посвящены тому, как согласовать «заботу о родине», т.е. выполнение своего долга, с «заботой о себе». И в эссе «Кузнец счастья» излагаются общие правила «учения о жизненной карьере», связанные с тем, как понять себя и других³⁹. Способом, который позволяет это осуществить, является как раз постоянное наблюдение, позволяющее «открыть окно» в потаенные уголки душ окружающих, чтобы увидеть то, что они пытаются скрыть: истинные цели, недостатки и уязвимости, страсти, которые можно и нужно использовать себе во благо, но также и те особенности характера и поведения, которые являются основой их успеха⁴⁰. На втором месте стоит познание самого себя:

Итак, человек должен самым тщательным образом (а не так, как это обычно делают люди, слишком любящие себя и снисходительные к самим себе) взвесить и оценить собственные способности, достоинства и преимущества, а также и свои недостатки, неспособность к тем или иным видам деятельности и вообще все, что может ему мешать, стараясь при этом анализе всегда преувеличивать свои недостатки и преуменьшать достоинства по сравнению с действительными⁴¹.

Оно должно позволить трезво оценивать своих сильных и слабых сторон, на которые можно и нужно рассчитывать.

38 Васон. 1641.

39 Васон. 1641: 362–402. Соответствует части объяснения притчи 34, где излагается «Учение о жизненной карьере» из работы «О достоинстве и приумножении наук». Далее цитируется в русском переводе по изданию: Бэкон (I). 1977: 449–471.

40 Бэкон (I). 1977: 450.

41 Бэкон (I). 1977: 456.

Бэкон представлял такое наблюдение как важную часть умения управлять собой ради преуспевания в жизни. Благоприятные состояния души можно закрепить при помощи двух способов — это «обеты или по крайней мере очень твердые решения души, с одной стороны, и, с другой — наблюдение и упражнения, которые, впрочем, имеют значение не столько сами по себе, сколько потому, что они постоянно удерживают душу в повиновении и готовности к исполнению долга». Отрицательные же состояния души исправляются также двумя способами — «тем или иным искуплением и исправлением прошлого либо избранием нового жизненного пути и начала жизни как бы заново»⁴².

В такой логике наблюдение посредством дневника превращается в значимую часть усилий по формированию себя и выстраиванию жизненной карьеры, которая в свою очередь становится важной частью нарождающейся модели деловой маскулинности. Показательно, что Пипс также использовал принесение обетов как способ удерживать себя от соблазнов, на которые расходуется много денег. И в дневнике — наблюдал за собой, как выполняющие собственные обеты, так и увеливающим от них под разными предлогами⁴³.

Составители наставлений, касающихся ведения дневников, стремились четко определить, что именно и с какой целью должно становиться объектом наблюдения. К примеру, советы путешественникам включали перечни объектов рассмотрения с указанием, какую пользу можно и нужно извлечь из такого изучения. Авторы же личных дневников приспособливали их для наблюдения за своими делами и соблюдения определенного образа жизни к своим целям и

42 Бэкон (I). 1977: 413.

43 См. об этом: Стогова. 2018.

обстоятельствам. В силу этого дневник военного существенно отличался от заметок сельского сквайра, текст мог использоваться для того, чтобы фиксировать разную информацию — о погоде и севообороте, о новостях и сплетнях, полученных и выполненных заданиях, доходах и тратах, но поскольку дневник в том числе подразумевал и наблюдение за самим собой, это способствовало развитию частных повествований.

О том, каким порой причудливым образом «личная жизнь» тоже становилась объектом наблюдения, свидетельствует дневник известного ученого Роберта Гука за 1670-е гг. В него чаще всего заносилась информация о доходах и расходах, о разных делах, особенно поездках, встречах с коллегами, работе в Лондонском королевском обществе и о проводимых экспериментах. Он содержит много заметок, подсчетов, зарисовок, которые могут так или иначе пригодиться в его исследованиях. Т.е. главным образом, как и многие свои современники, Гук использовал дневник для сохранения значимой деловой информации. Но столь же последовательно он отслеживал в дневнике состояние здоровья и влияние на самочувствие погоды и положения светил, разных лекарственных средств и пищи, поскольку постоянно страдал от головных болей и бессонницы. Именно дневниковое повествование позволяет говорить о том, что он наблюдал за собой как ученый, экспериментируя с разными методами лечения. И в этот нарратив попадала и информация, которая впоследствии стала считаться интимной — о сексуальной жизни, тем более что Гук не был женат и некоторые его связи могли считаться предосудительными даже по меркам XVII века⁴⁴:

44 В дневнике упоминаются сексуальные акты со служанками, а также с племянницей Грейс Гук, жившей у него с 10 до 17 лет. Гук вступил с ней в сексуальную связь, когда девушке было 16 лет. Хотя последнее

Очень сильный мороз весь день и чрезвычайно ясно. Ветер северный. §110. Температура $1\frac{1}{4}$ ⁴⁵. Ночь очень ясная. Лежал больной до 10 часов. После встал, в порядке. Но стало плохо от ревения, вырвало трижды. Ел цыпленка. Получил от Кокса ящик промытого песка, 6 пенсов. Мистер Годфри, мистер Каркасс, мистер Гидли, здесь. Блэкберн должен мне 1 шиллинг за Херигона. Нем⁴⁶ спала со мной. Ж⁴⁷ Спал плохо, но лучше после очищенной воды, и весь следующий день чувствовал себя недурно (26.01.1672)⁴⁸.

Учитывая, что современные представления об интимности едва ли применимы к обществу раннего Нового времени, такие записи как правило были приватны в первую очередь в том смысле, что они имели практическую ценность для самого владельца, подобно тому, как в современной культуре существуют ежедневники. Посему нередко дневники велись в расчете на потомков или даже стороннего читателя. И это могло разным образом сказываться на том, что именно становилось объектом описания и наблюдения. Необычным и показательным пример таких заметок представляет собой дневник елизаветинского чиновника Ричарда Стоунли, известный тем, что в нем впервые упоминается книга Шекспира. Он состоит из назидательных сентенций, краткого описания событий дня, включавших как правило упоминание о том, что он отправлялся на службу в Вестминстер, порой о каких-то конкретных делах, об обедах с соседями и коллегами, о молитвах и посещении служб в приходской церкви, порой о семейных, городских и политических новостях. И третья составляющая

обстоятельство отнюдь не было редкостью, но вот кровосмесительная связь в обществе раннего Нового времени осуждалась.

- 45 Показания давления (со знаком Меркурия) и температуры исследователи затрудняются соотнести с современными стандартами.
- 46 Служанка Гука.
- 47 Этим знаком, обозначающим созвездие Рыб, Гук отмечал в дневнике оргазм.
- 48 Hooke. 1968: 24.

— это подсчет доходов и расходов. Финансовые подсчеты очень часто были важным элементом дневниковых записей, их регулярность позволяла хорошо вести дела. Этот текст очень близок к тому, как понимали дневник протестантские проповедники — главным образом он отражал усилия автора по выполнению разного рода обязанностей, как религиозных, так и связанных с публичной деятельностью и социальной жизнью:

Сегодня после утренней молитвы и проповеди, которую я слушал в своей приходской церкви, я обедал у милорда Мэра. Вернулся домой и там провел весь вечер. Ужинал тоже дома. И так закончился день. С благодарностями Богу — ко сну (27.08.1581)⁴⁹.

Но в данном случае, как установил Джейсон Скотт-Уоррен, эти заметки были частью совсем другой стратегии успеха. Анализируя данные, которые попадали и не попадали (насколько можно судить по другим сохранившимся документам) в дневник, он не только приходит к выводу, что именно финансовые подсчеты составляли его основу, но и высказывает предположение, что те записи о своей жизни, которые мы привыкли считать основной целью ведения дневника, в данном случае играют сугубо вспомогательную роль своего рода заполнителей пространства страницы, подобных тем, что появляются в официальных документах, чтобы их нельзя было дополнить и фальсифицировать⁵⁰. В фокусе внимания Скотт-Уоррена находится идея о том, что тексты, подобные дневнику Стоунли, которые исследователи по умолчанию относят к автобиографическим, могут иметь своей целью вовсе не документирование жизни и собственного Я автора. Обращая внимание на ошибки в подсчетах, уклончивые

49 Folger. MS V.a.459. Fol. 16r.

50 Scott-Warren. 2016: 165.

описания своих религиозных практик, умолчания о событиях жизни, искажения в приводимых цитатах, которые невозможно объяснить тем, что автор упустил что-то из виду, переписывая информацию в дневник, исследователь приходит к выводу, что для Стоунли, который по меньшей мере симпатизировал католикам, а может быть и сам был тайным католиком, служил в Казначействе, но был растратчиком, за что в конечном счете угодил в 1597 г. в тюрьму, дневник является инструментом сокрытия Я, а не его репрезентации⁵¹. Если рассматривать дневниковые записи как часть этого сложного повествования, можно говорить о том, что для Стоунли дневник был способом соблюдения образа жизни добропорядочного и лояльного королеве и протестантской вере члена общества и отчета о нем. Учитывая то, какое значение имела практика ведения дневника в ту эпоху, едва ли справедливо говорить о «фальсификации», но скорее об усилиях, которые прилагал Стоунли, чтобы быть таким членом общества в условиях существенных перемен, требовавших новых стратегий поведения. В правление Елизаветы I обе сферы, которые выделяет Скотт-Уоррен, требовали существенной адаптации к новым условиям: и религиозная в связи с Реформацией (Стоунли не случайно каждый раз указывает, что ходит по воскресеньям именно в приходскую, т.к. протестантскую церковь) и финансовая, связанная с активным развитием идеи коррупции, вытеснявшей прежние принципы «кормления».

Разные дневниковые тексты конца XVI–XVII в. в сочетании с анализом существовавшего дискурса о дневниках показывает, что такого рода записи рассматривались как подспорье в выстраивании той или иной тактики поведения, контроле как за ведением дел, так и за собственным поведением

51 Scott-Warren. 2016: 169.

в различных обстоятельствах. Такое прагматическое понимание цели ведения датированных ежедневных записей делало их преимущественно мужской практикой, связанной с идеями воспитания, самодисциплинирования, «самоформирования» или «делания себя», если использовать разные сложившиеся в историографии понятия. Предстоит еще разобраться с тем, как распространение дневников среди женщин коррелирует с развитием идеи субъекта и постепенным формированием представлений об этих текстах как жизнеописании и наиболее интимным и откровенным способом самовыражения, сложившимся к XIX столетию.

Список источников и литературы

Блэр. 2024 — Блэр Э.М. Знать слишком много. Организация научной информации до Нового времени. М.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024.

Бэкон (I). 1977 — Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах / пер. с англ.; сост. общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1977–1978. Т. I. С. 81–524.

Бэкон (II). 1978 — Бэкон Ф. О путешествиях // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах / пер. с англ.; сост. общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1977–1978. Т. II. С. 390–392.

Стогова. 2018 — Стогова А.В. Сэмюэль Пипс и торжественные обеты // ШАГИ/STEPS. 2018. Т. 4. №3–4. С. 97–114. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-3-97-114

Стогова. 2024 — Стогова А. В. «Ненасытность памяти»: новости, сплетни и беседы в мужском дневнике XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 54–93. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-54-93

Стогова. 2025 — Стогова А.В. Добродетель наблюдателя: зарождение дискурса о дневниках в Англии раннего Нового времени // Диалог со временем. 2025. №92. С. 356–372. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.92.92.023>

Aho. 2005 — Aho J.A. Confession and Bookkeeping: The Religious, Moral, and Rhetorical Roots of Modern Accounting. Confession and Bookkeeping. Albany: State University of New York Press, 2005.

Ambrose. 1650 — Ambrose I. Media: The Middle Things, in Reference to the First and Last Things [...]. L.: Printed by John Field, 1650 [i.e. 1649].

Bacon. 1641 — Bacon F. Fr. Baconi de Verulamio Sermones fideles, ethici, politici, œconomici: sive Interiora rerum: accedit Faber fortunae &c. Fr. Baconi de Verulamio Sermones fideles, ethici, politici, œconomici. Leiden: Franciscum Hackium, 1641.

Beadle. 1656 — Beadle J. The Journal or Diary of a Thankful Christian Presented in Some Meditations upon Numb. 33:2. L.: Printed by E. Cotes for Tho. Parkhurst, 1656.

Blythe. 1989 — Blythe R. The Pleasures of Diaries: Four Centuries of Private Writing. N.Y. Pantheon Books, 1989.

Burke. 2012 — Burke V.E. "My Poor Returns": Devotional Manuscripts by Seventeenth-Century Women // *Parergon*. 2012. Vol. 29. № 2. P. 47–68.

Ch.L. Ms. A.2.122. — [Montagu S.] Diary of someone who accompanied the Earl of Sandwich on his extraordinary embassy to Spain. Chetham's Library, Manchester. Ms. A.2.122.

Daniel. 2015 — Daniel R. W. 'Have a little book in thy Conscience, and write therein': Writing the Puritan Conscience, 1600–1650 // *Sin and Salvation in Reformation England* / ed. by J. Willis. L.; N. Y.: Ashgate Publishing; Routledge, 2015. P. 245–258.

Dobbs. 1974 — Dobbs B. *Dear Diary: Some Studies in Self-interest*. Hamilton; L: Elm Tree Books, 1974.

Essex. 1633 — Essex R.D. The Late E. of E. his aduice to the E. of R. in his trauels // Essex R.D. *Profitable Instructions Describing what Speciall Obseruations Are to Be Taken by Trauellers in All Nations, States and Countries; Pleasant and Profitable*. L.: Printed [by John Beale?], 1633. P. 27–73.

Evelyn (II). 1955 — Evelyn J. *The Diary of John Evelyn in Six Volumes* / ed. E.S. de Beer. L.: Clarendon Press, 1955. Vol. II.

Folger. MS V.a.459 — Folger Shakespeare Library, Washington D.C. MS V.a.459. *The Diary of Richard Stonley, 1581–1582*.

Fothergill. 1974 — Fothergill R.A. *Private Chronicles; a Study of English Diaries*. L.; N.Y.; Toronto: Oxford University Press, 1974.

Holdsworth. 1956 — Holdsworth R. *Directions for a student in the Universitie* // Fletcher H. F. *The intellectual development of John Milton*. Urbana: University of Illinois Press, 1956. Vol. II. P. 623–664.

Hooke. 1968 — Hooke R. *The Diary of Robert Hooke, 1672–1680* / Edited by Henry W. Robinson and Walter Adams Hooke. L.: Wykeham Publications, 1968.

Lambert. 2016 — Lambert J.S. 'Raised unto a Cheareful and Lively Beleeving': The 1587–90 Diary of the Puritan Richard Rogers and Writing into Joy // *Studies in Philology*. 2016. Vol. 113. № 2. P. 254–281.

LPL. MS 2240 — Lambeth Palace Library, London. MS 2240. *Alathea Bethell's book of private devotions in verse and prose*.

Malcolm. 2003 — Malcolm A. *Arte, diplomacia y política de la corte durante las embakadas del conde de Sandwich a Madrid y Lisboa (1666–1668)* // *Arte y diplomacia de la monarquía hispánica en el siglo XVII* // dir. por José Luís Colomer, Madrid: Fernando Villaverde Ediciones, 2003.

Mallon. 1984 — Mallon T. A Book of One's Own: People and Their Diaries. N.Y.: Ticknor & Fields, 1984.

Matthews. 1950 — Matthews W. British Diaries: An Annotated Bibliography of British Diaries Written between 1442 and 1942. Berkeley: University of California Press, 1950.

Pepys. 2000 — Pepys S. The Diary of Samuel Pepys /ed. by R. Latham, W. Matthews. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. Vol. I–IX.

Rogers. 1610 — Rogers R. Seven Treatises: containing Directions, out of Scripture, leading to true Happi-ness. L.: [s.n.], 1610.

Rogers. 1933 — Rogers R. The Diary of Richard Rogers // Two Elizabethan Puritan Diaries / ed. by M.M. Knappen. Chicago: American Society of Church History, 1933.

Scott–Warren. 2016 — Scott–Warren J. Early Modern Bookkeeping and Life-Writing Revisited: Accounting for Richard Stonley // The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early Modern Europe / ed. by L. Corens, K. Peters, A. Walsham. Oxford: Oxford University Press, 2016 (Past & Present. 2016. Vol. 230. Suppl.11). P. 151–170.

Stagl. 2012 — Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800. L.; N. Y.: Routledge, 2012.

Walsham. 2016 — Walsham A. Introduction: The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early. Modern Europe // The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early Modern Europe / ed. by L. Corens, K. Peters, A. Walsham. Oxford: Oxford University Press, 2016 (Past & Present. 2016. Vol. 230. Suppl.11). P. 9–48.

Webster. 1996 — Webster T. Writing to Redundancy: Approaches to Spiritual Journals and Early Modern Spirituality // The Historical Journal. 1996. Vol. 39. № 1. P. 33–56.

REFERENCES

Blair, Ann M. Too Much to Know. Managing Scholarly Information before the Modern Age. London: Yale University Press, 2010.

Stogova, Anna. “The Greediness of the Memory’: News, Gossip and Con-versation in a Seventeenth-Century Men's Diary”. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 54–93. Moscow: IGH RAS, 2024. <https://doi.org/10.32608/2307-8383-2024-32-54-93> (in Russian).

Stogova, Anna. "Samuel Pepys and solemn oaths". *Shagi / Steps* 4, no. 3 (2018): 97–114, <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2018-3-97-114>. (In Russian).

Stogova, Anna. "The Virtue of the Observer: The Birth of Diary Discourse in Early Modern England". *Dialogue with time* 92 (2025): 356–372, <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.92.92.023> (In Russian).

Aho, James Alfred. *Confession and Bookkeeping: The Religious, Moral, and Rhetorical Roots of Modern Accounting. Confession and Bookkeeping*. Albany: State University of New York Press, 2005.

Blythe, Ronald. *The Pleasures of Diaries: Four Centuries of Private Writing*. New York: Pantheon Books, 1989.

Burke, Victoria E. "'My Poor Returns': Devotional Manuscripts by Seventeenth-Century Women". *Parergon* 29. № 2 (2012): 47–68.

Daniel, Robert Warren. "'Have a little book in thy Conscience, and write therein': Writing the Puritan Conscience, 1600–1650." In *Sin and Salvation in Reformation England*, ed. by J. Willis, 245–258. London: Ashgate Publishing; Routledge, 2015.

Dobbs, Brian. *Dear Diary: Some Studies in Self-interest*. Hamilton: Elm Tree Books, 1974.

Fothergill, Robert A. *Private Chronicles; a Study of English Diaries*. London: Oxford University Press, 1974.

Lambert, James S. "'Raised unto a Cheareful and Lively Beleaving': The 1587–90 Diary of the Puritan Richard Rogers and Writing into Joy." *Studies in Philology* 113. № 2 (2016): 254–281.

Malcolm, Alistair. "Art, diplomacy and court politics during the Count of Sandwich's embassies to Madrid and Lisbon (1666–1668)". In *Art and Diplomacy of the Spanish Monarchy in the 17th Century*, ed. by José Luís Colomer, Madrid: Fernando Villaverde Ediciones, 2003. (In Spanish)

Mallon, Thomas. *A Book of One's Own: People and Their Diaries*. New York: Ticknor & Fields, 1984.

Matthews, William. *British Diaries: An Annotated Bibliography of British Diaries Written between 1442 and 1942*. Berkeley: University of California Press, 1950.

Scott-Warren, Jason. "Early Modern Bookkeeping and Life-Writing Revisited: Accounting for Richard Stonley." In *The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early Modern Europe*, ed. by L. Corens, K. Peters, A. Walsham, 151–170. Oxford: Oxford University Press, 2016 (Past & Present. 2016. Vol. 230. Suppl.11).

Stagl, Justin. *A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800*. London: Routledge, 2012.

Walsham, Alexandra. "Introduction: The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early Modern Europe." In *The Social History of the Archive: Record-Keeping in Early Modern Europe*, ed. by L. Corens, K. Peters, A. Walsham, 9–48. Oxford: Oxford University Press, 2016 (Past & Present. 2016. Vol. 230. Suppl.11).

Webster, Tom. "Writing to Redundancy: Approaches to Spiritual Journals and Early Modern Spirituality." *The Historical Journal* 39. № 1 (1996): 33–56.

Список сокращений

Ch.L. — Chetham's Library, Manchester.

LPL. — Lambeth Palace Library, London.